

АНДРЕЙ СНЕГОВ

18+

МЕНЯЛІА

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Андрей Снегов

Меняла

«Автор»

2001

Снегов А.

Меняла / А. Снегов — «Автор», 2001

Какова цена вечности? Насколько скучна жизнь богов? Как становятся вампирами? Может ли Люцифер влюбиться в земную женщину? Легко ли быть императором тысяч миров? Читайте и, возможно, ответы на эти вопросы сформулируют герои моих рассказов!

© Снегов А., 2001

© Автор, 2001

Содержание

Драа Коон	5
Меняла	11
Ослепленный любовью	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Андрей Снегов

Меняла

Драа Коон

Император всегда рубит головы собственноручно, не доверяя палачам. Вот и сейчас двусторонний топор в его руках работает словно повернутый на бок маятник, и бледные как мел солдаты едва успевают укладывать на широкий брус тела все новых и новых мятежников.

Острое лезвие в очередной раз вонзается в дерево, на лицо Повелителя Мира летят алые брызги, а его белозубая улыбка напоминает обломок кости в кровоточащей ране. Наконец, он устает, опускает топор и дает отдых бугрящимся мышцам рук.

– Не хочешь попробовать? – обращается он ко мне, и по спине прокатывается ледяная волна ужаса.

– Нет, Повелитель, – отвечаю внезапно севшим голосом и склоняю голову в знак покорности. – Мои пальцы больше привыкли к перу и бумаге.

– Перерыв! – громогласно объявляет Алистер Великий, солдаты с облегчением вздыхают и сбрасывают очередную жертву наземь.

Император неспешно подходит ко мне, становится рядом и кладет правую руку на плечи. Рубашка мгновенно пропитывается кровью, и желание выскользнуть из железных объятий становится нестерпимым.

– Картина, достойная кисти Босха! – говорит Алистер и широким жестом очерчивает место массовой казни, заваленное десятками обезглавленных тел.

Свита уже привыкла к тому, что Император часто изъясняется непонятно, упоминает несуществующих людей и говорит на незнакомом никому языке, и потому за глаза зовет его отнюдь не Великий. Во второй версии летописи его правления, той, которую я пишу в собственной голове, а не на дорогих пергаментях, его имя звучит так же, как в устах приближенных – Алистер Безумный.

– Империю можно построить только на крови, – продолжает вождь после небольшой паузы, – так и запиши в своей истории сотворения мира.

Послушно киваю и ощущаю, как по взмокшей от пота спине стекает ручеек чужой крови.

– Пойдем в шатер, обсудим очередную главу твоей повести временных лет, – с усмешкой говорит Император и увлекает меня за собой.

Его вельможи почтительно расступаются перед нами, освобождая дорогу, и я замечаю отблески зависти в опущенных долу глазах. Жадные до золота ублюдки! Я бы отдал все свои деньги и половину жизни в придачу, чтобы не знать Алистера Великого и никогда не общаться с ним!

Золоченый нагрудник вождя блестит на солнце и отбрасывает размытые солнечные зайчики на стройные ряды солдат, охраняющих императорскую ставку. Отблески света попадают на красные шатры с развевающимися на их вершинах флагами, и на полотнищах вспыхивают алые кляксы, которые напоминают свежие пятна крови.

Мы проходим мимо шатра с наложницами, евнухи у входа понимают, что Император не в настроении размахивать чреслами, и скрываются внутри. За спиной слышны тихие шепотки вельмож – эти твари в очередной раз обсуждают мою мнимую связь с Алистером. Уже скоро я вырву их грязные языки калеными щипцами и засуну в поганые задницы!

Император собственноручно приподнимает плотный полог и пропускает меня вперед. Мои плечи освобождаются от тяжелой хватки, я запрокидываю голову и смотрю на голубое до одури небо.

– Каас, в чем дело? – раздается из-за спины удивленный голос Алистера. – Ты прощаешься с солнцем? Снова планируешь меня убить?

– Нет! – испуганно отвечаю я и тут же корю себя за излишнюю поспешность.

Оборачиваюсь. На залитом кровью лице Императора застыла кривая усмешка. Голубые глаза слегка прищурены, в них читается ирония и настороженность.

– Каждый раз, заходя в твой шатер, я не знаю, выйду ли оттуда живым, – нахожу нужные слова и вижу, что попал в десятку – Алистер залиvisto смеется и подталкивает меня вперед.

В шатре прохладно и тихо: звон оружия, пьяные крики солдат, визг шлюх и прочие звуки, сопровождающие стоянку любого военного лагеря, тонут в плотных слоях ткани, погружая в непривычное спокойствие и отрешенность. Мы остаемся наедине, и мои нервы звенят, словно струны альтаары в руках опытного музыканта.

Император поворачивается ко мне спиной, сбрасывает доспехи и склоняется над тазом с горячей водой. Шумно отплевываясь, он смывает с рук и лица кровь казненных врагов.

Алистер Великий меня не боится. Он не боится никого в подлунном мире, потому что неуязвим. Неуязвим, бессмертен и вечно молод. На него даже магия не действует.

Пять лет назад я не знал этого и попытался его зарезать. Тщедушный пятнадцатилетний подмастерье писаря ударил Повелителя Мира острым пером в глаз, но пронзил пустоту – Алистер может двигаться быстрее света.

Злые языки, те самые, которые скоро окажутся в задницах их обладателей, распускают слухи, что я мстил за насилие, учиненное надо мной, но это ложь. Императора интересуют лишь красивые девушки. Иногда он приглашает меня в свой гарем, чтобы поучаствовать в ночных оргиях, но исключительно в качестве гостя.

Шум воды стихает, и Алистер тщательно вытирается мягким полотенцем, напевая под нос очередную незамысловатую песенку, не знакомую ни единой душе в Маарторе. Что-то про корабли, полные рыбы, которые какой-то Кооста приводил в Оодес. Иногда я думаю, что он смог бы стать самым популярным в Империи бардом.

– Ты снова переживаешь из-за неоправданной жестокости? – спрашивает Алистер, вскидывая брови. – Я уже потерял счет нашим спорам на эту тему!

– Каждый народ достоин своего правителя? – повторяю набившие оскомину слова Императора и упираюсь взглядом в мерцающий зеленью диск, висящий на его шее. Удерживающая кулон золотая цепь кажется грубой и чужеродной на фоне тонкой огранки огромного кристалла.

Теперь я знаю, что это такое. Защитник, советник и помощник, предупреждающий Алистера об опасностях.

– Есть и обратная сторона монеты, – кивает он и жестом приглашает меня следовать к столу. – Правитель должен соответствовать ожиданиям народа. Как ты думаешь, что случится, если я поделюсь властью с подданными? Позволю им влиять на мои решения, выбирать министров и военачальников?

– Хаос, – уверенно отвечаю я на риторический вопрос и иду к центру шатра.

Мы садимся друг напротив друга и приступаем к трапезе. Прислужников нет, Алистер Великий с удовольствием накладывает пищу в тарелки и разливает вино по кубкам. На правах хозяина, как любит подчеркивать он. В правдивой летописи его жизни я расскажу, что Император ненавидел роскошь, не терпел лесть, а также лебезящих и заискивающих вельмож.

– Скажи, Каас, – прерывает затянувшееся молчание он. – Почему ты ограничился лишь одной попыткой?

Меня бросает в холодный пот, я мажу взглядом по кулону на шее Императора, убеждаюсь, что он зелен, как весенняя трава, и сдерживаю вздох облегчения. Это не подозрения, а просто беседа.

– Изначально меня останавливала твоя неуязвимость, затем интерес к общению, – я откидываюсь на высокую спинку стула и отпиваю из кубка терпкое вино.

– А что сейчас? – спрашивает Алистер и на его красивом лице появляется лукавая улыбка. – Только не говори, что стал моим другом – все равно не поверю!

Я судорожно подыскиваю правильный ответ, и треск горящего в жаровнях масла бьет по ушам подобно звуку барабанов на празднике урожая. Алистер терпеливо ждет. Он наматывает на палец густую прядь черных волос и смотрит на меня не мигая. Иногда мне кажется, что он просто играет со мной, играет, как опытный усатый коотр с маленьким молодым маасом.

– Хочу узреть момент, когда тебе все наскучит, – говорю я и вижу разгорающийся интерес в глазах напротив. – Сегодня ты завоевал последнюю независимую страну на континенте, что дальше?

– С языка снял! – Алистер усмехается и залпом опустошает кубок. – Я думал об этом весь год. Еще десяток лет моего правления, и Империя станет нерушимой. А затем я передам власть менее одиозной личности – тебе, например...

Вот это поворот! Я едва не роняю челюсть на стол и с трудом сохраняю бесстрастное выражение лица. Он раскрыл мои планы и покупает меня словно портовую шлюху? Или проверяет?

В голубых глазах горит неприкрытое любопытство. Повелитель Мира с нетерпением ждет ответа жалкого писаря, и его интерес как никогда искренен.

– Я недостоин своего народа, ибо недостаточно жесток и не соответствую ожиданиям черни, – отвечаю с легкой полуулыбкой на устах, маскирующей зарождающуюся тревогу.

– Чтобы убить дракона, драконом нужно стать самому, – задумчиво изрекает Алистер, в очередной раз используя незнакомое слово.

– Драа Кооном? – уточняю я. – Это что такое?

– Изрыгающая огонь крылатая ящерица-убийца размером с купеческий корабль...

– Она настолько сильна, что убить ее может лишь такая же?

– Ты сможешь сохранить собственную жизнь и империю, отстроенную на крови, только продолжая лить кровь, ты во всем должен будешь походить на меня, – Алекс вскидывает бровь и отпивает из кубка, продолжая смотреть мне в глаза.

– Я не таков как ты, – отвечаю с вызовом и понимаю, что перегибаю лук.

– Тебе это лишь кажется, ты будешь еще более кровожадным правителем, чем я, ибо плоть от плоти этого мира! – Алистер игнорирует мою дерзость, и его лицо озаряет ироничная усмешка.

– А ты? Разве ты сам не часть Маартора?

На чело Императора набегаем едва заметная тень, и усмешка превращается в гримасу неудовольствия.

– Я его пленник, Каас! – серьезно отвечает Алистер. – Но ты не напишешь этого в своей летописи! Кстати, что там будет в новой главе?

Вот мы и подоברались к сути. Император приглашает меня на личную аудиенцию после каждого значимого свершения. Он демонстрирует заинтересованность в результате моих трудов и не кривит при этом душой. Иногда мне кажется, что сохранение памяти о собственных великих деяниях интересует его даже больше, чем сами деяния.

Обычно наши беседы коротки, исключение было сделано лишь однажды – после моего неудавшегося покушения. Тогда, много лет назад, я уже попрощался с жизнью и потому был откровенен и говорил очень долго. Повелитель Мира узнал от меня все, что думали люди о его злодеяниях, но не казнил меня. Наоборот – приблизил и назначил придворным летописцем.

– Рассказывай, не томи, – нетерпеливо говорит Император. – Или ты обдумываешь описание в этот самый момент, с кубком в руках?

– Я поведаю о кровавой битве, случившейся вчера, о десятках тысяч погибших и о народе...

– Народе, которому наплевать на аристократов? Народе, который спит и видит, как я снижу подати в два раза и освобожу его от церковной десятины? – на лице Алистера снова появляется лукавая ухмылка.

Он еще не читал мой многолетний труд и всегда обсуждает лишь общую канву повествования. Удивительно, но мне разрешено писать правду обо всем, за исключением личности самого Императора. В летописи он предстает перед читателями лишенным обычных человеческих недостатков радетелем за державу и интересы простого народа.

– Расскажу о последнем бастионе мятежников, теперь уже павшем, о великом сражении, окончательно объединившем Империю – все скучно и буднично, я же описываю реальность, а не создаю сказку для грядущих поколений...

– Поверь мне, в будущем твой опус будет восприниматься как легенда, что бы ты ни написал, – назидательно прерывает меня Алистер и встает из-за стола. – Обязательно прочитаю его на смертном одре, а пока схожу отлить.

Вот он, долгожданный момент! Я опускаю руку в карман сюртука и нащупываю маленькую черную коробочку, которую неделю назад мне вручил таинственный незнакомец. Трясущими пальцами нажимаю единственную кнопку, и диск на груди Алистера тускнеет. Император не замечает этого, он уже давно не обращает внимания на столь привычную, ставшую частью его самого, вещь.

Все происходит ровно так, как предсказал человек со странным именем Роберт. Я встретил его в борделе госпожи Суун – единственном месте в столице, где у древних стен нет ушей. Я сразу понял, что Император и моложавый господин – чужеземцы и принадлежат к одному народу, ибо внешность обоих совершенна. Гладкая кожа, точеные черты лица, неправдоподобно яркие глаза и фигуры, достойные древних статуй Роомской державы – таких редко встретишь на просторах подлунного мира.

Роберт оказался интересным собеседником. Не менее интересным, чем Алистер. А еще он вызывал безграничное доверие. Мы дискутировали об устройстве власти, об истории Маартора и о том, как никому не известный чужак стал Императором и за десять лет подчинил себе весь мир, превратив сотню враждующих стран в единую империю.

Несколько выпитых бутылок вина развязали мой язык, и я поделился с незнакомцем самыми сокровенными мыслями. Он не остался в долгу и рассказал о том, что Алистер предал свой народ и серьезно навредил моему, нарушив естественный ход его исторического развития.

Тема устранения узурпатора возникла сама собой, я даже не помню, кто из нас ее поднял. По словам Роберта, убийства не требовалось – достаточно было отключить диск, который давал Алистеру практически абсолютную защиту. После этого Император долго не проживет и рано или поздно станет жертвой очередного покушения, которые происходят с регулярностью, достойной изумления.

Чужак сулил мне все сокровища мира, но я отказался от его соблазнительных предложений и пообещал избавиться от Императора безвозмездно, ради всеобщего блага. Роберт поверил мне – многолетнее общение с его земляком кое-чему меня научило. Через пару дней я и сам пообещал Темным Магам половину Империи. А в ответ они предоставили мне нужные артефакты.

От Сфер Одержимости не веет могуществом, они похожи на обычные стеклянные бусины. Синюю я растворяю в своем кубке, а красную топлю в вине Алистера. Его Защитник отключен и теперь ничто не ограждает чужака от воздействия древней магии Маартора.

Император появляется неожиданно, как и всегда. Он двигается с грацией коорта, и его ноги неслышно ступают по мягким коврам, которыми устлан императорский шатер. Мое

сердце бьется испуганной птицей, и мне с трудом удается сохранить невозмутимое выражение лица.

– Наши разговоры с тобой подобны игре, поединку на учебных мечах, – задумчиво произносит Император, садясь за стол. – И меня не покидает ощущение, что я постоянно проигрываю...

– Я получаю истинное удовольствие от общения с тобой, Алистер, – отвечаю я, уже не опасаясь быть уличенным во лжи. – Давай выпьем за то, чтобы наши дуэли всегда оставались словесными!

Мы бьем кубки краем о край и лишь затем осушаем их до дна. Это неперменный ритуал, сопровождающий встречи с Императором, один из многих, привнесенных им в жизнь Империи.

Я прислушиваюсь к собственным ощущениям и жду, когда подействует древняя магия. Если все пойдет по плану, то уже скоро Империей буду править я, а Темные Маги не получат ничего, даже наоборот – потеряют собственные никчемные жизни.

Алистер задумчиво смотрит на золотой кубок в моей руке, кажется, что его мысли витают далеко от императорского шатра, военного лагеря и Маартора. Неожиданно взгляд Императора фокусируется, лицо искажает гримаса удивления, а руки судорожно хватают медальон на груди. Я понимаю, что он увидел отражение погасшего амулета в отполированной поверхности моего кубка и покрываюсь холодным потом – Алистер может убить меня голыми руками и без помощи Защитника.

Порываюсь выскочить из-за стола, но Император опережает меня и прыгает вперед. Он обхватывает мою шею ладонями, наваливается всем телом и опрокидывает меня вместе со стулом. Я с размаха бьюсь затылком об пол, и от мгновенной смерти спасает лишь мягкий ковер. Мои ребра трещат под весом Алистера, а кубок острым краем вонзается в грудь и ломает пальцы. Я хочу выть от боли, но не могу – горло зажато в стальной хватке, и хрящи в нем сминаются будто глина.

Император душит молча, в его глазах нет ненависти – лишь досада. Удерживая шею левой рукой, правой он вырывает кубок из моих сломанных пальцев и наотмашь бьет им в висок.

В глазах темнеет, и я понимаю, что очередное, наверное, тысячное покушение на Повелителя Мира провалилось, а древняя магия не сработала – Сферы Одержимости не перенесли мое сознание в тело Алистера. Следующий удар по голове погружает меня во тьму.

Я прихожу в себя и медленно открываю глаза. На конусовидном потолке играют тусклые отблески масляных светильников. Я понимаю, что все еще лежу на мягком ковре в шатре Императора и чуть погодя пытаюсь сесть. Голова взрывается чудовищной болью, которая пронзает позвоночник раскаленной иглой, и я со стоном заваливаюсь набок.

Меня выворачивает, приходит облегчение, и я с трудом встаю на четвереньки. Мышцы не слушаются, каждое движение причиняет боль, и конечности дрожат как у древнего старика. Я смотрю на свои руки и не узнаю их. Вместо холеных и длинных пальцев, привыкших к перу и бумаге, вижу широкие окровавленные ладони воина. После множества неудачных попыток принимаю сидячее положение и с облегчением облокачиваюсь на ножку стола.

Перед глазами оказывается окровавленный, изломанный труп. Вместо головы – жуткое месиво из мяса и костей, но я узнаю его по одежде. Изуродованное тело, покоящееся передо мной, еще недавно принадлежало мне, Каасу, личному летописцу Императора!

Перенос сознания состоялся, маги не обманули! Теперь я – Алистер Великий, Повелитель Мира!

Игнорируя боль и слабость, протягиваю руку к еще не остывшему трупу, вытаскиваю из кармана черную коробку и нажимаю на кнопку. Диск на груди начинает мигать оранжевым

светом, затем становится зеленым, и в голове звучит мягкий голос Защитника: «Происходит перезагрузка и активация системы, время выполнения – шесть минут».

Я улыбаюсь и закрываю глаза. Сначала нужно будет разобраться с дворцовыми клеветниками, затем – с Темными Магами, а уже потом – с Робертом.

Наверное, Алистер был прав: чтобы убить Драа Коона, нужно самому стать им. В любом случае короткое обращение «Драа Коон» мне нравится гораздо больше, чем пафосное и так любимое Императором «Повелитель Мира».

Меняла

Ежедневная вахта за прилавком с бокалом красного вина в руках – часть моего брачного контракта с вечностью. А символ вечности – это серое небо за стеклянной, от пола до потолка, стеной моей скобяной лавки. Пятьдесят оттенков серого в течение суток и редкие пепельные облака вдали на горизонте – неизменный пейзаж, предстающий перед моим взором уже многие и многие годы. Всю жизнь одно и то же, как будто смотришь не в окно, а на тщательно прорисованные вариации картины, написанные в разных, но одинаково бедных палитрах.

Я вздохнул, прошел в помещение склада и выплеснул в опустевший бокал остатки австралийского шираза. В этот момент над дверью зазвенел серебряный колокольчик.

– Добрый день! – хрипло вымолвил появившийся в лавке странник и снял широкополую шляпу.

Путник был немолод, а поджатые тонкие губы, глубокие морщины и маленькие отекавшие глазки за стеклами роговых очков прибавляли его вытянутому лицу угрюмости и старили еще как минимум на десяток лет. Длинное, выдавшее виды пальто, висевшее на нем как на вешалке, не скрадывало болезненную худобу, а скорее даже подчеркивало ее.

Гость пригладил свободной рукой обильно тронутые сединой волосы, прижал обрамленную потрепанной бахромой шляпу ко впалой груди и робко направился к прилавку.

Он не представлял для меня ровным счетом никакого интереса, ибо в его маленьких бегающих глазках явственно читались нерешительность и полное отсутствие авантюризма.

– Чего изволите? – нехотя процедил я, неспешно подойдя к прилавку.

Мое лицо с каждым шагом приобретало все более и более кислую мину, выражающую тоску по великим делам, вселенскую скуку и неготовность к общению.

– Я бы хотел получить немного золота, – сказал мужчина прокуренным басом, закашлялся и достал из кармана потертого зеленого пальто стеклянный куб. – У меня есть живой Джулс.

– Живой Джулс? – я без энтузиазма оглядел прозрачный контейнер, в котором застыл ставший от страха фиолетовым жук-хамелеон. – И зачем он мне?

– Говорят, они разумны, – с надеждой произнес странник и, пытаясь скрыть волнение, нервно облизал пересохшие губы.

– Все джулсы, которые побывали в моих руках до этого момента, не выказывали даже намеков на существование мозгов, – уверенно соврал я, взял в руки куб и посмотрел в черные глаза-бусинки.

От моего пристального взгляда жук попятился и стал желто-оранжевым, что означало крайнюю степень обеспокоенности.

– Я дам за него унцию золота, – без всякого интереса произнес я и протянул куб посетителю.

– Унцию золота, всего унцию? – выпалил странник, задыхаясь от удивления и, наконец, сфокусировав взгляд. – Да он стоит в тридцать раз больше!

Я молча пожал плечами и начал внимательно изучать причудливый рисунок многовековых трещин на поверхности каменного прилавка. Горе-энтомолог теребил правый ус и, видимо, что-то подсчитывал в уме, беззвучно шевеля губами. Инспирированная мной театральная пауза грозила стать бесконечной.

– Пять унций, – натужно выдавил посетитель, пригладил свалявшиеся пепельно-серые волосы и надел шляпу, делая вид, что собирается покинуть мою гостеприимную обитель.

– Жук может стоять сколько угодно, но я дам за него унцию, – мой голос и взгляд источали бесконечную усталость и категорическое нежелание торговаться.

– Унцию, всего унцию! – запричитал странник, всплеснув похожими на лапы богомола руками. – В Аркаре ужин с ночлегом стоит вдвое больше!

– Две унции, чтобы вы не умерли от голода, – отрезал я и подвинул куб с теперь уже ярко-красным жуком еще ближе к моему незадачливому визави. – Две унции и точка, при условии, что в следующий раз принесете мне бутылочку аркарского!

– Черт с тобой, забирай! – отчаянно выдохнул терзаемый нуждой путник и с досадой хлопнул правой ладонью о прилавок.

– Получите, – бесстрастно сказал я, нажал клавишу на похожей на древнюю печатную машинку кассе и выложил перед гостем два маленьких мешочка, наполненных золотым песком.

– Ты не меняла, ты – грабитель! – проворчал возмущенный клиент, надел наконец-таки шляпу и, развернувшись ко мне спиной, спешно направился к выходу.

– Рад был помочь! – крикнул я вдогонку и унес джулса в хранилище.

Под кварцевой лампой кожистый панцирь жука приобрел естественный ярко-зеленый цвет, а это говорило о том, что насекомое погрузилось в дремотное спокойствие, которого так остро не хватало мне. Что ж, хотя бы день начался неплохо, подумал я, короед стоит унций двадцать, и нужно успеть его продать, пока не перестанет менять цвета.

Я вернулся в лавку и увидел, что по дороге идет дородный путник, облаченный в пыльные, кое-где проржавевшие рыцарские доспехи. Он брел, что-то бормоча себе под нос и понуро опустив голову. Его разукрашенный золотом меч слишком низко болтался на поясе и со скрежетом волочился по пыли, вычерчивая в ее толще причудливые узоры. Рыцарь остановился, повернул голову в сторону лавки, огладил бороду и, не выходя из сомнамбулического состояния, направился к двери. Когда он вошел, в лавке сразу стало тесно.

– Привет, – буркнул он, окатив меня перегаром и запахом пота. – Не найдется ли у тебя шкуры горного Двалка?

В произнесенной без всякой надежды фразе сплелись отчаяние и безысходность, его вопрос был адресован даже не мне, а самому провидению, ибо лишь оно могло привести к невероятному стечению обстоятельств, позволяющему найти в затрапезной лавке на задворках ойкумены шкуру уже лет сто как вымершего животного.

– Может, и найдется, а что ты предложишь взамен? – я с сомнением оглядел незадачливого вояку и подумал, что тот глуп даже для того, чтобы просто воспринять мои предложения.

– Да все что угодно! – энергично крикнул он и словно ожил: загорелое, в шрамах и боевых отметилах лицо покраснело, и без того широкие ноздри раздулись, а в мутных, как будто выгоревших, зеленых глазах засветился слабый огонек надежды. – Говори!

– Золото! – коротко, с нажимом сказал я. – Много золота!

– Сколько?

– Если учесть, что Двалки в Салликане истреблены, – я медлил, не желая продешевить, – тридцать унций!

– Отлично! – пророкотал рыцарь. – Еще бутылка хорошего вина, и договорились! Принцесса выйдет замуж лишь за того, кто убьет для нее Двалка, таково завещание ее сумасшедшего отца. Сумасшедшего, но очень богатого и уже год как покинувшего наш бранный мир!

Рыцарь ухмыльнулся в пыльную бороду, достал из-за пояса увесистый кошель и отсчитал шесть мешочков по пять унций.

Я взял золото, пожал мозолистую руку и пошел за шкурой. Вино для продажи стояло под прилавком, как всегда, наготове. Откровенно говоря, оно было весьма посредственным, но мой клиент явно не причислял себя к когорте ценителей и почитателей прекрасного напитка.

Рыцарь ушел с увесистым свертком в руке, поминутно прикладываясь к подаренной бутылке, а я открыл стеклянную дверь, чтобы проветрить тесное помещение и избавиться свое тонкое обоняние от контакта с неприятными запахами.

Стоя на ступеньках крыльца, я с наслаждением вдыхал чистый прохладный воздух и глядел на пыльную дорогу, что вьется вдоль пропасти по узкому перешейку, соединяющему два аспидно-черных горных пика. Оба ее конца пропадали в полукруглых пещерах, похожих на железнодорожные тоннели. Километр пыли и мелких камней между окнами в другие миры. Моя лавка и единственное жилище по совместительству расположилась в том месте, где протоптанная тысячами путников тропа расширяется и образует небольшое плато размером с баскетбольное поле.

Каждый день по дороге проходят несколько человек. Они следуют из одного мира в другой, но почти все заглядывают ко мне в лавку: кто просто поболтать, а кто и проверить сделку. Я – меняла, торговец, волею судьбы оказавшийся в неказистом пустынном промежутке между мирами. Но я люблю его вечное, пусть и холодное лето, люблю редкие ночные дожди, люблю туманы, в которых тонут островерхие черные пики, люблю вечность, которая всегда будет ассоциироваться именно с этим, похожим на голографический негатив местом.

Я поехал и прошел через лавку в дом, а затем сквозь него на каменный балкон, что хрупким карнизом нависает над бездонной пропастью с противоположной стороны от дороги. Облокотившись на резные каменные перила, я вглядывался в туманную глубину и потягивал терпко-сладкий шираз маленькими глотками. Земное вино здесь стоит целое состояние, но я праздновал день рождения – круглую дату. По земным меркам мне стукнуло три сотни лет. Вечность, оплаченная одиночеством.

Запрокинув голову, я допил кровавые слезы виноградной лозы и выполнил установленный мною самим ритуал: выбросил бокал в пропасть. Вращаясь и разбрасывая сверкающие на солнце рубиновые брызги, он начал стремительно уменьшаться, затем превратился в яркую точку и, наконец, исчез в рваных клочьях серого тумана. Где-то внизу, в бесконечно далекой неизвестности должны лежать осколки двухсот семидесяти трех выброшенных мной сосудов. Именно столько земных лет я живу здесь.

Мои раздумья прервал звон колокольчика над входом, и я вернулся к прилавку. Передо мной стоял пожилой сидящий мужчина в мешковатой брезентовой куртке с кожаным саквояжем в правой руке. Темные очки и широкополая панама цвета хаки делали его похожим на отставного военного, кем он, скорее всего, и являлся, а гладковыбритое загорелое лицо выражало самодостаточность и уверенность в себе. Такие люди редко идут на сомнительные сделки и авантюры.

– Здравствуйте, я частный коммивояжер, предлагаю приобрести экзотические напитки, – заученно и монотонно пробубнил он и поставил потертый саквояж на прилавок.

– Здравствуйте, давайте посмотрим, – ответил я из вежливости, даже не надеясь на сделку.

– Я профессиональный коллекционер пряностей, и вы можете приобрести у меня церст, каммий и даже миакр из Гальперна! – коммивояжер подмигнул и открыл саквояж.

Воздух в тесном помещении лавки наполнился миксом не передаваемых словами ароматов далеких миров. Я закрыл глаза, наклонился над зевом баула и вдохнул полной грудью. Быстрая карусель запахов понесла куда-то, закружила, размазала по хрупким граням реальности, и вдруг все остановилось: в пряном букете присутствовал будоражащий с детства, возбуждающий и манящий аромат. Кофе! Коричневая пачка с красной надписью «Арабика» скромно расположилась среди пакетиков с церстом и пимберрой.

– Сколько стоит вот это? – небрежно, даже не пытаясь скрыть заинтересованность, спросил я и указал на кофе.

– Все по весу, – ответил коммивояжер, правильно оценив мой горящий взгляд, – унция специй за унцию золота.

Я взял кофе, повертел в руках измятый шелестящий пакетик и, обнаружив на нем надпись «100 грамм», отдал три унции. Это было безумно дорого, но могу я позволить себе роскошь выпить чашечку земной арабики в собственный трехвековой юбилей?

– Было приятно иметь дело с коллегой, – заключил пеший купец, дежурно улыбнулся и спрятал мешочки с золотом в одном из десятка карманов своей куртки.

Пожелав хорошей торговли, коммивояжер подмигнул, пожал руку, и, разбудив спящий над дверью колокольчик, вышел прочь.

Закрыв глаза и откинувшись на высокую спинку кресла-качалки, я сидел с чашкой дымящегося кофе в руках и думал о вечности. Она играет в странные игры: за сотни лет в моей памяти стерлись почти все воспоминания о многочисленных путешествиях по разным мирам, остались только Земля, детство, университет в маленьком провинциальном городке, первая девчонка, да бескрайние зеленые леса.

Господи, как я хочу увидеть лес! Хочу побродить по мягкой траве, упасть на теплую землю и глядеть на белые облака в чистом голубом небе, придумывая, на что похожи их очертания. Хочу искупаться в океане. Хочу проснуться в маленьком деревянном домике от пения прилетевших весной птиц. Я хочу домой...

– Хозяин, можно войти?

Я открыл глаза. В дверях стоял молодой симпатичный парень в ярко-зеленой футболке и голубых джинсах, за спиной у него был небольшой черный рюкзак, а на ногах черные же кроссовки.

– Заходи, – ответил я, не сразу осознав, что заговорил по-русски. – Ты с Земли?

– Ага, с нее самой, – ответил парень, бросил рюкзак на пол и привалился спиной к стеклу.

Мое сердце учащенно забилося, интуиция не нашептывала даже, а кричала в полный голос, что у меня появился шанс.

– Ты, как я вижу и слышу, не только землянин, но еще и земляк, – я улыбнулся во все тридцать два зуба и протянул руку. – Меня зовут Андрей, за знакомство выпить не желаешь?

– Антон, – представился парень, крепко пожал мою ладонь, затем расстегнул рюкзак и вытащил глиняный, запечатанный сургучом кувшин. – У тебя штопора не найдется?

– Сейчас отыщется! – с готовностью ответил я, осознавая, что вместо милого сердцу и желудку ширара придется пить инопланетную брагу, которую и вином-то назвать можно лишь с изрядной долей фантазии.

Я закрыл лавку, опустил жалюзи на окнах и провел гостя внутрь моего скромного холостяцкого жилища. В углу на террасе стояли деревянный столик и два стула. Я смахнул накопившуюся за много лет пыль и поставил бокалы на стол.

– Как здесь красиво! – восторженно произнес Антон, стоя у каменной ограды и любясь черным обсидианом гор на другой стороне пропасти. – По Земле, наверное, не скучаешь?

– Скучал лишь первую сотню лет...

– А сколько же их, сотен, уже миновало? – поинтересовался парень, обернулся ко мне, и облокотившись о каменный парапет, начал внимательно меня рассматривать, надеясь отыскать ответ или явные признаки старения.

– Сегодня мне исполнилось ровно триста лет, – ответил я и грустно посмотрел в его удивленные серые глаза. – Оказался здесь в двадцать семь и с тех пор не покидал лавки.

– Значит, менялы и впрямь бессмертны...

Антон взъерошил копну выгоревших русых волос и подошел к столу. Он сел напротив, взял штопор и начал аккуратно вкручивать его в залитую сургучом пробку.

– Мне двадцать, а я уже три года как перекаати-поле по мирам шатаюсь. Устал как собака! – сказал он, кряхтя от напряжения, и вытащил пробку с булькающим звуком.

– Знакомое ощущение, – я усмехнулся и вдохнул запах разливаемого по бокалам вина из Аррукана.

Оно оказалось лучше, чем я ожидал. Мы выпили за знакомство, за родителей, за Землю, потом арруканское закончилось, и я принес бутылочку аркарского, затем еще пару...

– Скажи, а как ты стал менялой, как купил вечную жизнь? – Антон икнул и вопросительно на меня посмотрел.

– Не купил, а обменял, – выпитое вино развязало мне язык, и я говорил то, о чем следовало молчать. – Я покинул Землю в двухтысячном.

– Черт! Я тоже ушел в двухтысячном. И рассказать друг другу нечего, – Антон помолчал. – Парадоксы времени. А учился где?

– В Ростове...

– А я в Москве, – парень хлопнул ладонями по теплому дереву. – Ты здесь торчишь почти три столетия? На что же можно обменять вечную жизнь? Что может быть ценнее бессмертия?

– Свобода! – я с грустью взглянул на мальчишку. – Я отдал свою свободу. Ведь я – раб вечности. Я не могу путешествовать между мирами, не могу даже выйти из лавки, не передав эстафету другому меняле...

– А ты можешь передать эстафету мне? – с робкой надеждой спросил Антон и потер указательными пальцами виски. – Мне не нужна свобода, я устал от блужданий и хочу спокойствия. К тому же я слышал, что у менял припасено немало золотишка...

– Могу, – я не на шутку разволновался и с трудом скрывал предательскую дрожь в пальцах. – Но ты должен знать о самой страшной цене бессмертия – одиночестве.

– А что мне мешает жить с девчонкой, которую я люблю? – Антон непонимающе улыбнулся. – Я оставлю здесь ту первую, что понравится, а потом следующую...

– Есть еще одно «но», – изрек я менторским тоном и заложил ногу за ногу. – Всякий входящий сюда стареет примерно в сто пятьдесят раз быстрее, чем за пределами лавки, и именно этим оплачивается бессмертие менялы. Поэтому посетители не любят задерживаться у нас в гостях.

– Сто пятьдесят, значит, час здесь равен примерно шести суткам снаружи!

Подскочив было, Антон сел и беспечно махнул рукой.

– Неделей больше, недель меньше! Все равно я не знаю, когда умру! – он задумался. – Значит, тоска и одиночество. А женщины здесь хотя бы иногда появляются?

– Появляются и обычно расплачиваются не золотом! – я грустно рассмеялся. – Только стареют они слишком быстро.

– А я смогу бросить это ремесло и стать простым смертным?

– Сможешь, конечно, если найдешь того, кто согласится стать менялой добровольно, – я криво улыбнулся. – Ты первый за последнюю сотню лет.

– Я согласен! – Антон посмотрел на меня без тени сомнения. – Я согласен потерять свободу, согласен стать узником этого дома, согласен на одиночество. Если получу взамен вечность...

– Ты уверен? – прерывающимся голосом спросил я. – Ты хорошо все обдумал?

– Да! – четко выговорил он. – А ты?

– Не знаю, – пробормотал я и приложился к бокалу.

Меня мучила совесть. Не хотелось обманывать хорошего парня и втягивать его в авантюру, из которой почти невозможно выбраться. Для очистки совести я решил дать ему возможность подумать.

– Когда-то и я зашел в этот дом и сидел за этим самым столом. Я тоже убеждал старика Джейкоба, что хочу его заменить. А он меня отговаривал, как я тебя сейчас. Первые пятьдесят лет пройдут легко. Ты узнаешь много нового, прочтешь тысячи книг, встретишь огромное количество интересных людей, изучишь предметы и знания, накопленные предыдущими

менялами. Потом накатит скука, придет пьянство и ощущение, что ты узнал все, сама жизнь станет тягостной обязанностью, ты начнешь грубить посетителям и выжимать из них последние соки. Через сто лет тебе надоест и это. Ты будешь развлекаться, играя на чувствах клиентов. Ты станешь сбивать цену на предлагаемый предмет до унции, а потом отдавать десять только затем, чтобы увидеть в глазах напротив алчный блеск, ты будешь затаскивать в постель всех заходящих в лавку женщин и как можно дольше удерживать в доме, наплевав на их укорачивающуюся с каждой минутой жизнь. Затем ты устанешь и почувствуешь себя ломовой лошадкой, которая изо дня в день ходит с завязанными глазами по одному и тому же маршруту, ты начнешь страдать обжорством и тратить огромные деньги на новые и новые деликатесы, ты потеряешь интерес к жизни. На последнем этапе ты превратишься в настоящего, прошедшего все искушения и соблазны менялу. За прилавком появится холодный и расчетливый профессионал. Вот только менялой ты останешься лишь внешне, это станет твоей работой, не более того. Твоим вторым «я» будет другое. Ты станешь торговцем вечностью. Каждого входящего клиента ты начнешь оценивать только по одному признаку: согласится он занять твое место или нет...

Я завершил эмоциональную тираду, подошел к перилам и, опершись на нагретый местным светилом камень, взгляделся в привычный закатный пейзаж. Антон молча встал рядом.

– Ты уже передумал? – то ли с надеждой, то ли с сожалением спросил я.

– Я не меняю принятых решений! – твердо ответил Антон и выбросил опустевший бокал в пропасть.

– Да ты – продолжатель моих традиций! – я рассмеялся и почувствовал себя свободным впервые за сотню лет.

На все про все ушел день и много вина. Я показал Антону лавку, дом и бассейн, сводил в хранилище золота, там было тонн двенадцать, предъявил тысячи томов в подземной библиотеке, провел экскурсию по складу, оставил письменные инструкции по управлению теплицей и геотермальной электростанцией, рассказал, чем кормить кайфующего под кварцем Джулса, и ушел.

Я шагал, не оглядываясь. Черный провал тоннеля манил неизвестностью. Я отправлялся в путешествие, которое больше всего походит на рулетку: погружаясь во тьму, никогда не знаешь, где и когда выйдешь на свет. Но я точно знал другое. Я совершил главную сделку в своей жизни, достиг вершины в карьере менялы – я продал вечность.

А вечность... Зачем она мне? Вечность не стоит ни гроша, вечность – это слишком долго.

Ослепленный любовью

Я бил их беспощадно, неистово, с упоением. Я вымещал злобу на тех, кто стал удачно подвернувшейся декорацией в моей ирреальной игре. Я сыпал удары один за другим, и хруст ломающихся костей задавал ритм, стоны рождали мелодию, а сдавленные крики слаженно ложились на ноты, оживляя легкую и прекрасную гармонию смерти. Наконец, последний удар достиг цели, и четвертый бандит нашел упоение в осенней вязкой грязи. Я обернулся и посмотрел в ее испуганные глаза.

– Ник, ты – зверь! Ты убил их! – Настю сотрясала истерика.

Сценарий нуждался в срочной корректировке. Я бросил взгляд на полуживых бандитов-марионеток и выругался вполголоса – они были недееспособны. Усилие воли – и изуверченные мною головорезы ожили и со стонами заворочались в мокрой грязи, а из-за поворота показался огромный черный джип. Из подъехавшей машины выскочили двое. Меня ударили чем-то тяжелым по голове и бросили на кожаное сидение. Насте грубо зажали рот, и в тишине городского парка раздались ее слабые приглушенные крики. Через несколько секунд она оказалась рядом со мной.

Джип с урчанием преодолевал километр за километром, парни, превращенные мною в послушных кукол, молчали, а я, имитируя потерю сознания, обдумывал дальнейший ход действий. Настал час икс. До ее свадьбы осталась неделя. Если она не изменит своего решения и выйдет замуж за этого влюбленного неудачника, мне – конец. Как заставить девушку полюбить себя? Она – балерина, прима Большого театра, умница, красавица, при одном взгляде на нее все здоровые мужики начинают тихо сходить с ума. Я, конечно, тоже не уличный бродяга, но...

Я перепробовал все. Я был адвокатом, ведущим ее дела, я становился красавцем-моделью, входящим в десятку самых востребованных в мире, я оборачивался капитаном крупного бизнеса и потомственным аристократом, но тщетно. Прототипы легко продавали мне свои души, но это не помогало. Она лишь дружила со всеми моими ипостасями. Просто дружила. Любой намек на большее приводил к разрыву с таким трудом выстроенных отношений. Ее фраза «Я люблю другого» стала моим навязчивым кошмаром.

Я пытался действовать тонко.

Будучи адвокатом, я оказался запертым с ней в развалинах разрушенного торгового центра. Пять дней мы были вдвоем, но она не сделала навстречу и шага.

На совместном показе моделей мы оказались одни на шикарной яхте. Корабль унесло в открытое море, семь дней только я, она и океанские волны. На память осталась верная дружба.

Я – олигарх дарил ей охапки роз, дорогие клипы и аренду залов для сольных выступлений. Это было все, что она принимала. Даже поцелуи решительно отвергались.

Когда я устал менять обличья и придумывать обстоятельства, в которых мы могли бы сблизиться, пришла безумная мысль купить жалкую душонку ее возлюбленного. Я сулил ему блага, которые не снились и королям. Но он отказался.

Я сгорал от любви, а времени оставалось все меньше. Приближающийся звон свадебных колоколов похоронным набатом звучал в моих мыслях.

Мое нынешнее воплощение – многообещающий студент ГИТИСа и будущий режиссер. Наверное, поэтому спектакль с нападением решительно настроенных похитителей удался на славу. Как и положено, Анастасию я спас, а сволочей превратил в кровавое месиво, но пойми этих женщин – побил слишком сильно. Надо было мягче, аккуратнее, точно отмеренными ударами, чтобы не дай бог нос не сломать или губы не оцарапать. Тогда бы она одарила меня долгим благодарным поцелуем и полным обожания взглядом.

Стоп, это – цинизм. Из меня снова прет цинизм. Быть может, мои усилия тщетны как раз потому, что в каждой ипостаси она видит меня настоящего? Мою дьявольскую сущность? Но сие невозможно, это высший уровень проницательности. А она простая земная женщина. Поправка: очень красивая женщина.

Иногда мне кажется, что завоевать искреннее расположение такой особы невозможно априори. Доказано историей. Но я должен это сделать. Обязан. Я не могу превращать свою вечную жизнь в вечную же пытку из-за неразделенной любви.

Я разорвал стальные наручники и повернулся к Насте. Связанная и с кляпом во рту, она лежала рядом со мной и беззвучно плакала. Я обнял ее за плечи, и она разрыдалась еще сильнее.

– Дорогая, успокойся, – прошептал я и коснулся пальцами ее заплаканных щек. – Сейчас я выну кляп, а ты не проронишь ни звука.

Она кивнула и закрыла зеленые глаза в знак согласия. Я медленно содрал скотч с ее прекрасного лица и вытащил носовой платок изо рта. На звук обернулся водитель и получил страшный удар в лицо. Мой ботинок раскрошил его челюсть в осколки. Тяжелый джип понесло на обочину, и в следующее мгновение он врезался в огромное дерево. Затем машина несколько раз перевернулась в воздухе и упала на крышу.

В таких авариях живых обычно не остается, конечно, если в салоне не присутствует представитель высших сил. Оба незадачливых боевика погибли на месте, Настя осталась невредима, а я добросовестно имитировал полную потерю сознания. Она с трудом протиснулась наружу через разбитое боковое стекло и, прислонившись к искореженной двери автомобиля, зарыдала в голос.

– Настя, – притворно застонал я. – Настя, ты жива?

– Ник! – закричала она, словно очнувшись. – Я здесь!

– Сейчас машина взорвется, – прохрипел я и закашлялся.

По моим губам текла кровь, лоб был рассечен ударом о боковую стойку, а вокруг правого глаза начал формироваться огромный синяк. Зрелище получилось что надо. Настя бросилась ко мне и, не прекращая рыдать, начала тянуть меня из салона изуродованной машины. Не знаю, как ей это удалось, но она вытащила мою мускулистую тушу сквозь боковое окно.

Мы лежали на холодной осенней земле в двадцати метрах от догорающего джипа и смотрели в затянутое черными тучами небо. Сквозь узкие просветы слабо пробивался свет полной луны, и я знал, что за липкой ватой облаков она корчит мне обидные рожи.

– Скажи мне, кто ты? Кто ты на самом деле? – неожиданно спросила Настя.

Я повернулся к ней и, ухмыльнувшись, передразнил в полутьме луну.

– Николай Обнев, – мягко произнес я и обнял девушку за плечи. – А почему ты спрашиваешь?

– Ник, я боюсь тебя! Иногда ты словно сбрасываешь маску! Ты меняешься и становишься совсем другим, страшным, чужим! – выпалила Настя и выскользнула из моих объятий.

– Было бы лучше, если бы бандиты сделали то, что хотели? – со злостью спросил я. – Мне нужно было убежать, оставить тебя?

– Нет! Ты меня не понял! – она виновато посмотрела на догорающий джип. – Когда вы дрались в парке, ты не был похож на человека!

– Человек я или нет – не важно, потому что люблю тебя! – прошептал я. – Живу лишь мыслями о тебе! Засыпая и просыпаясь, хочу видеть твои глаза, слышать твой голос, чувствовать прикосновения твоих рук...

Где-то рядом отчетливо завывли сирены приближающихся машин скорой помощи и полиции.

– Ник, пожалуйста, остановись! – тихо сказала Настя и взяла меня за руку. – Я могла бы играть с тобой, сделать вид, что ты мне симпатичен, заронить в твое сердце надежду, но... Я не хочу этого! Пойми и прости – я люблю другого!

Все! Опять холодный душ. Почти ледяной. Но я не сдамся! Люцифер не сдастся так просто. В следующую секунду тот, кем я был, впервые за день потерял сознание на самом деле.

– Ба! Сколько лет, сколько зим! – поприветствовал меня Бог и, широко расставив руки, шагнул навстречу.

– Здравствуй, здравствуй! – приторно-сладко ответил я и сделал шаг вперед.

Приветствия сменились крепкими рукопожатиями, дружескими объятиями и покровительственными похлопываниями по плечам.

– Чем обязан столь неожиданному визиту? – с притворным интересом спросил Бог, сел за письменный стол и взял в руки вечное перо. – Может, лишний билетик в Большой предложишь? В последнее время ты туда зачастил, – он укоризненно покачал головой и погрозил пальцем. – Смотри, такие увлечения до добра не доводят!

– Не за добром к тебе пришел, – сдерживая эмоции, процедил я, – за помощью!

– Ты? За помощью ко мне? – Бог искренне рассмеялся и уронил на бумагу каплю чернил. – Я не помню, чтобы ты появлялся у меня с такой просьбой.

– Все когда-нибудь случается впервые, – философски заметил я и уселся в кресло для посетителей.

– Что я могу для тебя сделать? – поинтересовался господь и уткнулся в бумаги.

– Всего ничего, – ответил я и замолчал, дожидаясь, когда он закончит читать. – Душу хочу у тебя просить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.